
ЛЮБОВЬ В ЖИЗНИ И ПСИХОТЕРАПИИ

Филипп Робертович ФИЛАТОВ

ЧТО СКАЗАЛ БЫ ЗИГМУНД ФРЕЙД НА ПИРУ У АГАФОНА?¹

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена феномену трансферентной любви, которая рассматривается как эффект, механизм и фактор аналитической психотерапии. Автор соотносит учение З. Фрейда о переносе с текстом знаменитого диалога Платона «Пир» о природе Эроса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: перенос (трансфер), контрперенос, Эрос, филия и агапе, З. Фрейд, Платон.

ANNOTATION

The article is devoted to the phenomenon of transference love, which is considered as an effect, mechanism and factor of analytical psychotherapy. The author compares S. Freud's theory of transference with the text of Plato's famous dialogue "Feast" about the nature of Eros.

KEY WORDS: Transference (transfer), countertransference, Eros, philia and agape, S. Freud, Plato.

«К вашим расспросам я, по-моему, достаточно подготовлен», – так начинается прославленный диалог Платона «Пир» [5], посвященный Эросу и призванный раскрыть сущность того, что мы называем любовью.

¹ Статья представляет собой текст пленарного доклада, с которым автор выступил в рамках XVI Летней Школы Европейской конфедерации психоаналитической психотерапии (ЕКПП) «Любовь в жизни и терапии. Любовные и сексуальные отношения в периоды социальных кризисов» (г. Санкт-Петербург, 25–27 сентября 2020 г.).

В анализе, когда речь заходит о проделках Эроса и превратностях любви, о любовных отношениях, зависимостях, психотравмах, пациент, как правило, говорит аналитику прямо противоположное: я не готов к Вашим расспросам на эту тему.

Я тоже не могу похвастаться уверенностью Аполлодора, чей стройный рассказ посвящает нас в суть мудрой застольной беседы Сократа и других достойных мужей на пиру у Агафона: подготовку этого доклада я не раз откладывал, как будто был не готов писать на тему, ставшую центральной для нынешней летней школы.

Однажды я спросил себя, в чем причина такого моего сопротивления и прислушался к своим ассоциациям. Из памяти моего детства донеслись слова старой советской водевильной песенки: «О любви не говори, о ней все сказано, сердце, верное любви, молчать обязано». И следом пришли вопросы.

О чем обязано молчать сердце, когда речь заходит о любви в нашей культуре? О том, что уже давно сказано на пиру у Агафона мудрыми мужами античности? Почему о сказанном следует молчать? И что сказал бы на этом пиру Зигмунд Фрейд, окажись он там?

На пиру у Агафона, кажется, прозвучало все, что можно сказать о природе любви и что повторялось потом столетиями с несущественными вариациями. Все, кроме одного: ни Сократ, ни другие не поведали нам, как любовь проявляет себя в переносе, как она потворствует болезни и способствует исцелению, раскрывая свою двойственную сущность в отношениях между пациентом и психоаналитиком.

Фрейду мы обязаны фундаментальным открытием переноса-контрпереноса, как основного **эффекта, механизма и фактора** аналитической – да, как показывает практика, и любой другой психотерапии, даже если эта другая психотерапия трансферные процессы игнорирует. Именно в этих трех аспектах перенос-контрперенос и рассматривался Фрейдом и после Фрейда. Во-первых, как **эффект**, возникающий мимовольно, вопреки стараниям аналитика его избежать; в письме К.Г. Юнгу по поводу непростой, эмоционально-нагруженной и почти скандальной истории терапии Сабины Шпильрейн, а затем в «Заметках о любви в переносе» Фрейд [7] использовал метафору взрыва в химической лаборатории – как бы осторожен ни был лаборант и как бы хорошо, с соблюдением всех правил безопасности ни была оборудована лаборатория, взрыв возможен, таковы издержки ремесла, ибо химик порой имеет дело со взрывоопасной материей. Аналитик, в свою очередь, сталкивается со взрывоопасными эмоциями и рискует не меньше. Во-вторых, перенос рассматривался как сложный **механизм**, связанный со специфическими структурными и динамическими особенностями психического аппарата, с защитными механизмами, с тенденцией к регрессии и навязчивому повторению. Как писали вслед за Фрейдом Стрейчи [6], Гринсон [3] и Сандлер [6], это механизм переиздания в настоящем чувств, переживаний и отношений, имевших место в прошлом пациента, главным образом, в его

детстве. Такой репринтинг постоянно наблюдается в психотерапии, что не только создает существенные трудности для аналитика, но и становится при выполнении определенных условий **фактором** успешной аналитической работы. И это третий аспект: перенос следует рассматривать в качестве фактора эффективности психоанализа. Взрослый человек в своих отношениях с другими людьми воспроизводит (часто в завуалированной форме) свои детские привязанности и конфликты; эта тенденция к повторению лежит в основе тех проблем, с которыми и работает аналитик. Регрессия в анализе чаще всего проявляется именно в момент развития переноса, принимая форму возвращения характерных для периода детства желаний, ощущений, фантазий, ассоциаций, а также паттернов отношений, и таким путем аналитик и анализанд получают доступ к вытесненному и подавленному психическому материалу, без проработки которого невозможно исцеление. В связи с этим особое внимание уделяется неврозу переноса, при котором пациент фактически проживает свои проблемы и обусловившие их причины в отношениях с аналитиком, болея этими отношениями, исцеляясь посредством них и от них. Если рабочий терапевтический альянс составляет наиболее рациональную и здоровую сторону аналитических отношений, то перенос представляет собой их темную бессознательную изнанку. Как отмечал Стрейчи (1934), только интерпретации переноса способны стать по-настоящему преобразующими – именно они настоятельно востребованы, как никакие другие необходимы в анализе [6, с. 43].

Фрейд отдельно рассматривал проявления любви в переносе – и с инструментально-технической точки зрения, наставляя начинающих аналитиков, как избежать типичных ошибок и соблазнов в работе с любовными чувствами пациентов, и с общетеоретических позиций, стремясь пролить свет на природу любой формы любви и влюбленности. И в своих рассуждениях о любви Фрейд, вероятно, вполне осознанно наследовал традицию, восходящую к «Пирю» Платона.

Фрейд опубликовал «Заметки о любви в переносе» [7] в 1915 г. В этой работе он подчеркивал, что овладение переносом – задача более трудная и не менее актуальная, нежели освоение искусства истолкования мыслей, фантазий и эмоциональных реакций пациента. Фрейд рассматривал в «Заметках...» те порой курьезные, порой драматические «случаи, когда пациентка делает совершенно определенные намеки или прямо заявляет, что влюбилась в анализирующего ее врача, как могла бы влюбиться любая другая смертная». «Такое положение, – писал Фрейд, – имеет свою как мучительную комическую сторону, так и серьезную: оно настолько запутано и обусловлено многими причинами, так неизбежно и так трудно разрешимо, что обсуждение его уже давно является жизненно важным для аналитической техники». В таких случаях опасно и безнравственно поддаться известному искушению, неконструктивно прерывать аналитическую работу, беспечно игнорировать проблему и

пытаться работать так, как будто любовного переноса нет или он существенно не влияет на процесс и результат терапии. Но от аналитика требуется перехитрить бога Эроса, который будет стремиться перехитрить, смутить и заморочить его, внося сумятицу в аналитические отношения и расшатывая сеттинг. Перехитрить самого ловкого и искусного античного бога значит преобразовать возникающие эротические импульсы и переживания в закономерную часть аналитического процесса, поставив их на службу делу исцеления. Добиться такого волшебного эффекта крайне сложно, ведь как писал Фрейд, в подобном случае «пациентка, даже самая послушная до того, вдруг лишается понимания и интереса к лечению, не хочет ни слышать, ни говорить ни о чем, кроме своей любви, и требует ответной; она отказывается от своих симптомов или не обращает внимания на них, она даже объявляет себя здоровой. Вся сцена совершенно меняется, как будто бы игра сменилась ворвавшейся внезапно действительностью, словно пожар, вспыхнувший во время театрального представления». Характерно, что в «Заметках о любви в переносе» Фрейд фокусируется именно на переживаниях пациенток, не описывая аналогичные процессы у мужчин, что, вероятно, объясняется нехваткой аналитического материала.

Первоначально Эрос, по Фрейду, потворствует болезни и препятствует излечению, любовный перенос служит проявлением сопротивления терапии, и необходимо переориентировать его на содействие ей. «Сопротивление, – читаем у Фрейда, – принимает активное участие в возникновении бурных любовных требований» [7]. Фрейд предостерегал аналитиков от попыток, руководствуясь моральными соображениями, подавить и пресечь любовные импульсы пациентов. «Требовать подавления влечения отказом от удовлетворения и сублимирования, когда пациентка создалась в своем любовном переносе, значило бы поступить не аналитически, а бессмысленно. Это было бы то же самое, как если бы специальными заклинаниями старались вызвать из преисподней духа, а затем, ни о чем его не спросив, отправили бы обратно. Ведь в таком случае довели бы вытесненное до сознания только для того, чтобы, испугавшись, снова его вытеснить» [там же]. Фрейд подчеркивал: обязанность аналитика состоит в том, чтобы при любом накале страстей сохранить нейтральность и отказать жаждущей любви пациентке в требуемом ею удовлетворении. При этом необходимо сохранить у больного потребность и тоску как силы, побуждающие к работе и изменению, и не допустить того, чтобы они отчасти были успокоены суррогатами.

В этом пункте моя мысль снова возвращается к диалогу Платона, как к наиболее раннему в западноевропейской культуре мифопоэтическому и философскому нарративу о природе и сущности любви. В этом нарративе предвосхищается, а, быть может, и задается та проблематика любовного переживания и влечения, которая составляет ядро классического психоанализа. На мой взгляд, понимание этого древнего нарратива, столь многое определившего в нашей культуре, является не менее

важным, чем понимание фундаментальных идей Фрейда. По сути, одно дополняет, детализирует и амплифицирует другое.

В той же статье о любовном переносе 1915 г. Фрейд писал, что любовь всегда базируется на инфантильных прототипах. Не бывает влюбленности, не воспроизводящей инфантильный образец [7]. Признавая античность колыбелью нашей цивилизации, можно назвать диалог Платона древним прототипом более поздних западноевропейских суждений о любви. Об этом писала Тахо-Годи в своем академическом комментарии к «Пирu»: и в греческой, и в римской, и в целом в античной, и в средневековой христианской литературе мы находим множественные обращения к платоновскому диалогу, подражания ему и его трактовки [5, с. 441–442]. Именно Платон стал родоначальником застольной философской беседы, как жанра, – последующие авторы пытались либо воспроизвести стиль этого классического образцового текста, либо предлагали свои варианты осмысления его тематики.

Наше переживание любви обнаруживает свой прототип в нашем биографическом прошлом, в детстве, а наше рассуждение о природе этого чувства, в свою очередь, имеет прототип в далёком прошлом нашей культуры, в той архетипической первосцене, где Сократ и другие мужи философствуют на пиру у Агафона. Имеется ощутимый зазор между нарративом о любви, воспринятым нашим сознанием на очень ранней стадии его формирования, и первичным бессознательным любовным переживанием. Архетипической матрицей и социокультурным эталоном или прототипом различных суждений и нарративов о любви служит как раз платоновский Пир. То, что через подобные нарративы транслирует нам культура, вступает в мучительное патогенное противоречие с тем, что остается внутри нас неизреченной и порой забытой правдой наших собственных инфантильных переживаний и фантазий.

Что мы узнаем о природе Эроса из диалога Платона и других, восходящих к нему нарративов? Во-первых, по словам участника симпозиа Федре, Эрос – это древнейшее божество, у которого даже нет родителей; вдохновленный этим богом обретает ни с чем не сравнимую силу. Фрейд наследует это воззрение, рассматривая сексуальное влечение, как первичное, базисное, лежащее в первооснове психической активности, как основной источник созидательной жизненной энергии. Далее, Эрос – самый почтенный и могущественный бог, дарующий нам великое блаженство. В этом пункте так же перекличка с Фрейдом, не раз отмечавшим, что любовное наслаждение является для человека огромной ценностью. По сути, Платон мифопоэтическим и философским языком говорит нам о том, что Фрейд описывал языком психоанализа. Эта часть нарратива о любви вполне согласуется с нашими наиболее ранними инфантильными переживаниями: уже в детстве, еще не будучи способны ясно отразить это, мы чувствуем, что эротическое побуждение сулит немалое блаженство, удовольствие, счастье.

Затем из речи Павсания мы узнаем о том, что любовное влечение может быть не только возвышенным, но и низменным. Здесь в «Пире» наряду с признанием ценности Эроса, появляется его оценка и актуализируется противоречие, которое впоследствии усилится. Речь, по сути, о двойственности нашей эротической природы, о внутренней расщепленности и поляризации. Любовное переживание и эротическое побуждение, обладая для нас огромной ценностью и силой, лишены цельности, единства и характеризуются противоречивостью. Павсаний призывает Федра не торопиться восхвалять и превозносить крылатого бога и постулирует, что существует два Эрота: нужно сначала выяснить, кого из них подобает хвалить. У этих богов в тексте появляются теперь две матери – две Афродиты: Афродита Пандемос, младшая из богинь, земная или пошлая, и Афродита старшая, возвышенная, небесная – дочь Урана. Дитя Афродиты Пандемос, пошлый Эрот порабощает людей ничтожных, пленников своей плоти, и заводит низменной плотской любовью между мужчиной и женщиной. Связанные с Эросом радости тела в речи Павсания обесцениваются.

Древний нарратив о любви земной и небесной укорен в западноевропейской культуре (вспомним о средневековом культе прекрасной дамы, о переполняющих литературу идеалах платонической любви, усиленной разлукой, которая делает невозможной физическую близость; вспомним замечательную работу Александра Эткинда «Эрос невозможного» [9]. Даже люди, не читавшие Платона, склонны противопоставлять возвышенное, чистое и романтическое любовное чувство и низменную, грязную похоть, приносящую исключительно плотское наслаждение. Данное оценочное суждение вступает в очевидное противоречие с присущим любому человеку естественным и первичным стремлением к телесному удовольствию. Фрейд предполагал, что оценка сексуального желания как грязного связана с тем, что гениталии локализованы в непосредственной близости от органов выделения, которые расцениваются в культуре, как грязные, связанные со стыдом и отвращением. Характерно, что у Платона это не распространяется на гомосексуальную любовь к прекрасному юноше – она провозглашается возвышенной независимо от гигиенических соображений, так как в античной эстетике тело юноши считалось более красивым и совершенным, чем женское тело.

Далее в «Пире» устами Эриксимаха озвучивается натурфилософская идея о том, что любовь разлита по всей природе и пронизывает мироздание. Эрот – бог великий и всеобъемлющий, причастный ко всем делам людей и богов. Двойственность же Эрота обусловлена природой человеческого тела, в котором уживаются здоровое и больное начало. У здорового начала один Эрот, у больного – другой. Противоречие усиливается, расщепленность проецируется в сферу телесности, тело рассматривается как поле борьбы враждебных первоначал. На смену диаде «возвышенное – низменное» приходит диада «здоровое – больное», причем «больному», согласно

Эриксимаху, следует не потакать, но всячески противодействовать. Первичное и естественное, устремленное к удовольствию, провозглашается больным и должно быть подавлено, репрессировано. Здесь обнаруживаются социокультурные предпосылки психоневрозов, имеющих, по Фрейду, сексуальную этиологию. Мы выявляем их в нарративе, который возник задолго до христианской эры с присущей ей парадигмой осуждения греховной плоти и низменной похоти. Эриксимах так же определяет сущность врачевания, как умение установить дружбу между самыми враждебными в теле началами и внушить им взаимную любовь. В каком-то смысле это созвучно психоаналитической идее о балансе и гармонии сознательных и бессознательных побуждений, о сглаживании внутриличностного конфликта.

Далее на пиру у Агафона комедиограф Аристофан посвящает нас в предание об андрогинах, двуликих, четвероруких и четвероногих существах, соединявших в своей природе мужское и женское первоначала. В наказание за бесчинства Аполлон по приказу Зевса рассек андрогинов пополам и раскидал их однополые половины по всему свету. С тех пор эти половины ищут свою недостающую часть и стремятся к воссоединению. Любовь рождается из состояния неполноты, ущербности и движима тоской по утраченной первоначальной целостности. В речи Аристофана расщепление символизируется, обретает зримую и драматическую метафору. Пол в этом нарративе трактуется как неполнота, с самой половой принадлежностью связаны некая первичная травма, неполноценность, дезинтегрированность, дефицитарность – все, что лежит в основе невроза.

После восхваления Эроса поэтом Агафоном слово берет Сократ. Он, воздавая должное мудрости своей наставницы Диотимы и излагая полученные от нее познания, проливает свет как на происхождение Эроса, так и на его цель. Эрос, по Сократу, не прекрасен и не безобразен, не зол и не добр – он находится где-то посередине между этими крайностями. Эротическое стремление происходит от нужды, ведь стремиться к чему-либо может лишь тот, кто сам этого лишен. Эрос случайно во хмелю зачатое дитя Пороса и Пеннии, его отец – Богатство, Роскошь, мать – Бедность, нищета, нужда. Унаследовав от родителей крайне противоречивую природу, Эрос всегда беден, некрасив, груб, неопрятен, не обут и бездомен, валяется на голой земле под открытым небом и, как истинный сын своей матери, не выходит из нужды. Но с другой стороны, он по-отцовски тянется к прекрасному и совершенному, он храбр, смел и силен, он искусный ловец, непрестанно строящий козни, он жаждет разумности и достигает ее, он всю жизнь занят философией, он искусный чародей, колдун и софист». Цель Эроса – овладение благом, причем Эрос стремится не к сиюминутным преходящим благам человеческого существования, но к Высшему всеобъемлющему Благу, собственно, он и есть Любовь к Благу как таковому. Платон от лица Сократа описывает ступени восхождения к высшему благу, вводит градацию проявлений Эроса и фактически задолго

до Фрейда разрабатывает учение о сублимации, которая представлена в «Пире», как поступательное движение от Эроса прекрасных тел к Эросу прекрасных душ.

Здесь я должен оговориться, что я не первый соотношу психоаналитические идеи и идеями платонизма. До меня подобный труд проделал замечательный российский философ Борис Вышеславцев, написавший книгу «Этика преображенного Эроса». По словам самого автора, эта работа посвящена «этике сублимации».

Я не могу эмпирически выявить и точно описать механизм, посредством которого пациенты Фрейда и современные пациенты усвоили или унаследовали нарратив о любви, развернутый в «Пире» Платона. Нарратив, в котором любовь, в силу своего происхождения и природы, неизбежно связана с нуждой, дефицитностью и расщепленностью. Возникает впечатление, как я уже говорил выше, некой архетипической матрицы, которая актуализировалась в культуре и нашла отражение в этом эталонном тексте. Моя идея заключается в том, что наряду с инфантильными чувствами любви пациенты в переносе нередко актуализируют этот нарратив и драматически проживают заложенную в нем двойственность и противоречивость.

Или выражу это иначе. Пациент переносит в терапию не только фрустрированное когда-то чувство любви, но также и форму проживания, выражения, осмысления этого чувства. В переносе проявляется некий смутный, не всегда четко артикулированный нарратив о любви и драматическое противоречие между довербальным первичным переживанием и этим нарративом.

То, что логически следует из рассказа о пире у Агафона, трудно принять невротично. Ведь в нем с самого детства живет довербальное чувственное знание о том, что любовное наслаждение есть высшая ценность, оно первично и естественно, а овладение объектом любви – высшая и главная цель. Но усвоенный им древний нарратив внушает ему, что эта ценность сопряжена с серьезной опасностью, что тот, кто жаждет большой любви, обрекает себя на столь же большое страдание, его чувство делает его самым богатым и самым обделенным, потенциально самым счастливым и одновременно самым несчастным, обездоленным. Это неизбежная теневая деструктивная сторона любовного переживания, о которой первооткрыватель архивов Сабины Шпильрейн итальянский аналитик-юнгианец Альдо Каротенуто написал монографию «Эрос и Патос. Тени любви и страдания» [10].

Когда я перечитывал диалог Платона в этот раз, меня заинтриговала преамбула, повествовательная рамка. Это рассказ о рассказе. Друг Аполлодора довольно долго допытывается у него, как, от кого и когда он узнал о застольной беседе Сократа и других почтенных мудрецов, раскрывающих сущность и природу Эроса. Мы узнаем о том, что рассказчик услышал об этом диспуте в пересказе. При самой беседе он не присутствовал, произошла она очень давно, когда Аполлодор и его собеседник были еще детьми. Наше знание о любви – это всегда кем-то кому-то пересказанный

нарратив, который важно вспомнить без искажений; он относится к очень далеким временам нашего детства, детства нашей цивилизации. И чувственное и рациональное знание о любви – это всегда смутное припоминание. И по Платону, и по Фрейду.

В упомянутой выше работе «Заметки о любви в переносе» [7] Фрейд обсуждает проявления у пациенток в анализе сексуального влечения, которое базируется на инфантильных образцах. Позднее утвердилось представление о том, что в переносе проявляется не только эротическое чувство и желание, но и широкий спектр эмоциональных реакций, которые принято соотносить с любовью в широком смысле. Так Гринсон в «Технике и практике психоанализа» приводит следующий перечень трансферных чувств: «любовь, нежность, доверие, влюбленность, симпатия, интерес, увлечение, восхищение, безрассудная страсть, сильное душевное волнение, сильное желание или почтение». Здесь сексуальному влечению рядоположны несексуальные, неромантические, мягкие формы любви (симпатия, доверие, уважение), которые, по Р. Гринсону [3], способствуют формированию рабочего альянса [3, с. 262]. Генри Цви Лотан в статье «О двух видах любви в психоанализе» [4], перевод которой был опубликован в нашем Ежегоднике за 2018 г., полагал, что в переносе находят выражение основные разновидности любви, которые выделялись в античной культуре: с одной стороны, эрос, как импульсивное страстное сексуальное влечение, с другой – филия и агапе, как симпатия, доброе расположение и нежная привязанность. Чтобы прожить в аналитической психотерапии двойственность любви, пациент прибегает к услугам как эроса, так и агапе. Многообразные проявления любви, возникающие наряду с сексуальным влечением, обнаруживают себя и на службе сопротивления терапии, и на службе делу исцеления.

Напоследок я приведу две лаконичные аналитические зарисовки, иллюстрирующие, на мой взгляд, то, как проблематика любви, ее двойственности и дефицитарности, проявляется в переносе. По контрасту с «Заметками» Фрейда я сознательно выбрал случаи пациентов-мужчин, в переносе которых не было выраженного сексуального влечения. Не Эрос, но, скорее, агапе.

Случай 1. Анализанду 24 года. Он обращается за помощью к аналитику, пытаясь принять непростое решение о расставании с девушкой, с которой встречается уже 8 лет. По его словам, девушка любит его, их связывает сильное, неугасающее влечение. Но в отношениях нет чего-то главного, чего-то, что больше секса, страсти, эмоций, что могло бы связать его с ней на всю жизнь. Что это, пациент не знает, не может описать, возможно, этого никогда и не было в его жизни. Он знает только, что для продолжения отношений ЭТО необходимо, и этого нет. Пробел, зияние, дефицит.

Молодой человек понимает, что мучает девушку, не расставаясь с ней окончательно и, вместе с тем, постоянно давая ей понять, что она ему не подходит. «Возможно, так же, – предполагает он, – мучилась моя мать, когда отец изменял ей и в течение

двух лет все никак не мог уйти, пока она сама не подала на развод». Для пациента крайне важно проявить бóльшую решимость, чем та, на которую был способен его отец: не тянуть, как он, все обрубить и закончить. Такое волевое завершение отношений с его стороны стало бы «по-настоящему мужским поступком».

Анализанд проигнорировал мою рекомендацию не принимать кардинальных решений до завершения первого этапа аналитической работы, когда прояснение может спровоцировать спонтанное отреагирование. Он провел со своей девушкой «прощальную беседу», в ходе которой они пришли к обоюдному согласию: необходимо расстаться. Решение принесло ему чувство временного облегчения. Одновременно возникли более теплые чувства по отношению к отцу: желание простить ему развод с матерью, нежно обнять его, показать понимание и принятие. Но произошло нечто незапланированное: отец анализанда, в тот момент женатый – и как будто счастливо – на женщине гораздо моложе себя, имеющий с ней двухлетнюю дочь, неожиданно ушел из семьи к новой любовнице и заявил, что планирует развестись. Анализанд, по его словам, испытал чувство неудержимого гнева, возникло желание отыскать отца, встряхнуть его и сказать ему, что он «жалкий идиот». На этом фоне появились два характерных воспоминания. Первое оказалось записано на видеопленку, анализанд показал аналитику эту запись со своего мобильного телефона. В этом сюжете, он, четырехлетний ребенок, отказывается от всего, что ему предлагают родители, капризничает и плачет, а отец, записывает его плач на видеокамеру, спокойно приговаривая: «И так каждый день! Этот мальчик ничего не хочет, с ним ни о чем невозможно договориться». Вторым воспоминанием стал нарратив о любви родителей, который был рассказан матерью сыну-подростку после развода и ухода отца из семьи. Анализанд услышал этот рассказ незадолго до того, как начал встречаться со своей девушкой. Мать рассказала ему, что очень сильно любила отца, прощала ему измены до одного поворотного эпизода. Однажды она испытала и спонтанно без стеснения выразила бурные эмоции во время интимной близости. Отец резко прервал контакт, отвесив ей пощечину со словами: «Так грязно ведут себя только проститутки!»

Анализанд признался, что, расставшись с девушкой и почувствовав сильную злость на отца, он одновременно испытал что-то вроде нежной привязанности к аналитику. То, что греки называли агапе. Он сообщил тут же, что хотел бы реализовать в общении с отцом такую же нежную привязанность, но отцовское поведение, бесконечный побег отца из семьи мешает этому, провоцируя злость, ненависть и презрение (об этой двойственности, амбивалентности отношения сына к отцу З. Фрейд писал, в частности, в психоаналитической биографии американского президента Вудро Вильсона [8]). После признания в этих чувствах анализанд стал болезненно реагировать на необходимость со стороны аналитика следовать правилу нейтральности. По его мнению, эти «профессиональные условности» делают аналитика «неискренним и натужным,

бесцветным и фальшивым». «Вы, наверное, одни и те же фразы по привычке, механически повторяете разным пациентам», – заявил он мне. Следующую сессию анализанд пропустил и по телефону попросил окончить терапию или хотя бы сделать паузу. Когда же работа была возобновлена, он сообщил, что испытал одновременно страх быть навязчивым, обвиненным и отвергнутым и сильную злость по отношению к аналитику, который игнорирует его чувства, с помощью нейтральности технично закрывается от них. Ему показалось, что я отстраненно наблюдаю за ним в свой объектив, как за малопривлекательным насекомым, и без сопереживания фиксирую его эмоции, как когда-то отец с помощью видеокамеры фиксировал его детские капризы. Также возник страх, что я стану обвинять его, как в праве обвинять и, вероятно, обвиняет оставленная им девушка, как мать когда-то обвиняла его отца в разрушении семьи, и как теперь то же самое делает оставленная молодая жена отца, которую анализанд называл мачехой-сверстницей. Наконец, анализанд боялся, что я, устав от его сильных чувств, в том числе и направленных на меня, откажусь с ним работать, т.е. брошу его, как он – свою девушку. Моя задача состояла в том, чтобы, поддерживая в контрпереносе его агапе, но, не переходя грань, за которой доброжелательность обращается в дружеское расположение и привязанность, помочь анализанду отдифференцировать и проработать запутанные любовные и околोलюбовные переживания, выдержать регрессию, осмыслить деструктивный семейный нарратив и прийти к более зрелой жизненной позиции, обеспечивающей взвешенные, а не импульсивные решения.

Случай 2 симметричен первому и типологически сходен с ним. Возраст анализанда – 32 года. Почти десять лет он прожил в отношениях с девушкой, по его словам, очень умной, образованной, хорошо понимавшей его и достойной всяческого уважения. В этих отношениях он чувствовал себя комфортно и гармонично, но в них не было того, чему пациент не мог подобрать точного определения: неги, что ли? Неги, истомы. Томности – осенило его, томности в них не было. Понимание, духовная близость – были, а вот томности – не было.

Девушка не могла понять, что ей необходимо сделать, чтобы ее неудовлетворенный молодой человек получил желаемое. Ее действия не приносили результата, казались неумелыми и вымученными; может быть, предположил пациент, всему виной ее интеллект, все от головы, такой умной девушкой легко гордиться, но от нее трудно впасть в истому. Тогда он позволил себе «измену с сущей дурочкой», и понял, что дело в нем самом, а не в слишком развитом женском интеллекте.

Проблема пациента приняла форму навязчивого стремления искусственно вызывать у себя эту гипотетическую «томность» во время интимной близости. Срабатывал коварный механизм парадоксальной интенции: чем сильнее пациент добивался томности, тем быстрее блекло и угасало сексуальное влечение, а ему на смену приходили отчуждение и опустошение. Он шел в ванную, смотрел на себя в зеркало и

видел, по его словам, пустое лицо, начисто лишенное чувств, каких-либо признаков чувственности. По ассоциации анализанд вспомнил похороны дедушки: как нужно было изобразить – для мамы, бабушки – скорбь, расплакаться, а в глазу – ни одной слезинки. Мальчику было тогда семь лет, он подбегал к зеркалу, всматривался в свое лицо и не находил в нем те переживания, которые требовалось предъявить другим. Следом анализанд признался, что все детство стыдился своей нелюбви к отцу и пытался вызвать любовь искусственно, волевым усилием, но не получалось. Отец появлялся в его жизни мельком, неохотно и эпизодически, и казался «посторонним, случайным прохожим». Во время длительных командировок отца пациент с удивлением обнаруживал, что не может вспомнить его лицо, настолько необязательным оно было. На дворе была эпоха дефицита, отец часто пропадал в разъездах, и мать в шутку говорила, что общение с ним, как дефицитный товар, который нужно выдавать семье по карточкам. Вспомнив эту фразу матери, пациент вдруг заплакал от жалости к ней.

Поразительно, что вечером после сеанса я набрёл, читая замечательный роман Андрея Битова «Пушкинский дом», на похожее описание отца. Приведу выдержку. «Левушке казалось, что он отца не любил. С тех пор как он себя помнил, он был влюблен в маму, и мама была всегда и всюду, а отец появлялся на минутку, присаживался за стол, статист без реплики, и лицо будто всегда в тени. Неумело, неловко пробовал заиграть с Левой, долго выбирал и тасовал, что же сказать сыну, и наконец говорил пошлость – и Лева запоминал лишь чувство неловкости за отца, не запоминая ни слов, ни жеста, так что, со временем, каждая мимолетная встреча с отцом (отец всегда был очень занят) выражалась лишь в этом чувстве неловкости... Так все детство, часто и понемногу видя отца, не знал Лева даже, какое у того лицо: умное ли, доброе, красивое ли...»

Когда я дал прочесть этот фрагмент пациенту, тот признал сходство, уловив в тексте ту же смутность образа, невнятность чувств, тот же невосполнимый дефицит артикулированности в отношениях.

В переносе анализанд стал упрекать аналитика в том, что тот постоянно отвлекается на собственные посторонние мысли и только «изображает присутствие», на деле же – отсутствует. Однажды он бросил мне фразу: «Вы сейчас не здесь. Вы лишь имитируете заинтересованность и эмоциональную включенность, но это не более, чем маска». Я отследил в себе желание всем своим видом выразить большую эмпатию и сопереживание и тут же осознал, что эта вынужденная пантомима будет куда менее конгруэнтной, подобно стараниям пациента вызвать в себе и проявить пресловутую «томность». Об этом своем наблюдении я дал анализанду обратную связь. Анализанд осознал, что, требуя от меня большей искренности, как, впрочем, и от себя – большей чувственности, он добивается прямо противоположного результата.

В дальнейшей аналитической работе выявился глубинный запрет на спонтанное выражение чувств и полноту любовного переживания, запрет, порождающий

ту самую дефицитарность, которую Эрос, согласно преданию, наследует от своей матери Пенни (Бедности). Как в 1-м, так и во 2-м случае в переносе пациента этот запрет оказался соотнесен с правилом абстиненции, а ощущение эмоционального дефицита – с нейтральностью аналитика.

Подведем итоги. О любви все было сказано еще в эпоху Платона, и наши пациенты по-прежнему остаются пленниками этого древнего нарратива. Однако, благодаря психоанализу, они получают право не молчать о своих амбивалентных чувствах и проживать любовную драму в диалогических отношениях с психоаналитиком. Суть этой драмы можно выразить очень просто: то, что представляет наивысшую ценность, несёт в себе и главную опасность, и – на новом витке диалектической спирали – залог спасения. Двойственность Эроса в психотерапии проявляется в том, что он как потворствует болезни, подпитывая сопротивление пациента, так и способствует исцелению в любовном переносе.

Так все-таки что сказал бы Зигмунд Фрейд на пиру у Агафона?

Было бы самонадеянно приписывать гению собственные мысли и фантазии, хотя можно, конечно, сделать это с оттенком постмодернистской иронии. Я могу допустить, что на пиру у Агафона Фрейд бы молчал и многозначительно улыбался.

ЛИТЕРАТУРА

1. Битов А.Г. Пушкинский дом. – М.: Известия, 1990. – 416 с.
2. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. – М.: Республика, 1994. – 367 с.
3. Гринсон Р. Техника и практика психоанализа. – Воронеж: МОДЭК, 1994. – С. 262.
4. Лотан Ц. О двух видах любви в психоанализе // Теория и практика психоанализа. Ежегодный сборник научных трудов. – 2018. – Вып. 4. – 180 с.
5. Платон. Пир // Платон. Собр. соч.: в 4-х тт. – Т. 2 / под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; примеч. А.Ф. Лосева и А.А. Тахо-Годи; пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1993. – С 81–134.
6. Сандлер Дж., Дэр К., Холдер А. Пациент и психоаналитик: основы психоаналитического процесса. – Воронеж: МОДЭК, 1993.
7. Фрейд З. Заметки о любви в переносе // Эротический и эротизированный перенос. – М.: Ин-т общегуманит. исслед., 2003. – С. 31–48.
8. Фрейд З., Буллит У. Томас Вудро Вильсон: двадцать восьмой президент США. – М.: КАНОН, 2017. – 336 с.
9. Эткин А. Эрос невозможного: История психоанализа в России. – М.: Гнозис; Прогресс-Комплект, 1994. – 376 с.
10. Carotenuto A. Eros and Pathos: Shades of Love and Suffering. Studies in Jungian Psychology by Jungian Analysts. – N.Y.: Inner City Books, 1989.